

Л. А. ДМИТРИЕВ

Глагол „каяти“ и река Каяла в „Слове о полку Игореве“

Вопрос о месте сражения Игоря с половцами интересовал многих исследователей „Слова о полку Игореве“. Были высказаны различные предположения. Большинство исследователей, как историков, так и филологов, искали Каялу в тех реках, названия которых по своему фонетическому звучанию близки к Каяле. Н. М. Карамзин считал, что Каяла „Слова“ — река Кагальник; Н. Я. Аристов и вслед за ним П. Бутков и Д. И. Багалеи — Кальмиус; А. В. Лонгинов полагал, что Каялой была названа река Мокрые Ялы.

Все эти гипотезы имели ряд слабых сторон (противоречие летописным данным, неправильный расчет времени и скорости движения войск), и ни одну из них нельзя считать достаточно убедительной и доказанной.

Наиболее вероятной гипотезой о местонахождении Каялы можно считать точку зрения, высказанную К. В. Кудряшовым¹ и Н. В. Сибилевым.² В поисках Каялы они исходили не из названия реки, а из ее соотношения с реками Сальницей и Скурлий, которые упоминаются в летописном рассказе о походе Игоря. Оба они считают, что Каяла — это река, носящая в наше время название Макашиха. Во всяком случае, после исследований К. В. Кудряшова и Н. В. Сибилева совершенно очевидно, что Каялу нельзя искать в реках, сходных с ней по названию.

Каяла — имя нарицательное, а не собственное, и оно было дано автором „Слова“ реке, носящей какое-то иное географическое наименование. Но почему эта река была названа Каялой? Попробуем ответить на этот вопрос.

В самом тексте „Слова о полку Игореве“ однажды употреблен глагол „каяти“: „Ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поють славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жирь во днѣ Каялы рѣкы половецкыя, рускаго злата насыпаша“.

Первые издатели „Слова“ перевели это место так: „Там немцы и венециане, там греки и моравцы воспевают славу Святославу и охуждают князя Игоря, погрузившего силу на дно Каялы...“.

Вслед за первыми издателями „каять“ в смысле „порицать“, „осуждать“ переводили все первые переводчики „Слова“ (Серяков, Шиш-

¹ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Географгиз, М., 1948, стр. 42—90.

² М. В. Сибилев. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володи-мира Мономаха та Ігоря Сіверського. Археологія, вип. IV, Київ, 1950, стр. 99—114.

ков, Палицын, Язвицкий, Левитский). В 1819 году вышел перевод „Слова“ Я. Пожарского с многочисленными примечаниями, состоявшими главным образом в сличении словаря „Слова“ с польским языком. По поводу глагола „каяти“ Я. Пожарский писал: „Слово *каять*, на польском языке *kaiać* (каять), значит — жалеть; от сего произошло далматское слово *кайба*, означающее жаль, сожаление. Посему слова *кають* князя Игоря означают — жалеют князя Игоря“.¹

Заметим, что А. Шишков в своих примечаниях на перевод Я. Пожарского, считая все толкования Пожарского к „Слову“ ненужными или неудачными, признает верным объяснение лишь одного слова — „каяти“, и говорит: „сие замечание весьма основательно“.²

В дальнейшем переводчики передавали этот глагол по-разному: одни как „жалеть“, другие как „осуждать“.

Приведем несколько примеров из переводов советских писателей: И. А. Новиков — „осуждают, жалея, Игоря князя“; В. И. Стеллецкий — „корят князя Игоря“; Н. А. Заболоцкий — „Игоря отважного клянут“; А. К. Югов — „носят Игоря“; акад. А. С. Орлов — „корят князя Игоря“; Д. С. Лихачев — „укоряют князя Игоря“.

Сейчас в русском литературном языке нет переходного глагола „каять“, а остался лишь возвратный глагол от этого корня — *каяться*: „К а я т ь с я, каюсь, каешься, каются, каялся, каялась, каялось. Сожалеть о совершенном поступке, упрекать себя за его совершение“.³ Как старое слово, в картотеке имеется и переходный глагол „каять“: „каять, каю, каешь, кают; каял, а, о, *перех.* (белор. *каець*, малор. *каяти*, ц. сл. *каяти*). *Стар.* „счунять тазать кого“ (Слов. акад. 1792 г.), т. е. порицать, укорять, осуждать. *Старого не бьют, мертвого не кают.* Послов. Даля, с. 373, цитата из „Слова о полку Игореве“⁴. В народных говорах употребляется теперь с этим значением глагол „хаять“. *Каять* — исповедывать кого-либо (Каргопольский, Петрозаводский и Пудожский) *Духовник кает исповедника* (Слов. акад. 1792 г.). *Не наше дело попа каять: на то есть другой поп.* Послов. Даля, с. 681“.

В „Материалах для словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского, в статье на глагол „каяти“ читаем: „К а я т и, каю — порицать: = Ту Нѣмци и Венедици ту Греци и Морава поють славу Святѣславлю, кають князя Игоря. *Сл. плк. Игор.*; бѣсящагося вси кають, *Прол. И. Публ. б. 43* = исповедывать: = «А учнегъ которыи священникъ тѣхъ люди каяти, бояръ не доложа, ино тѣхъ священниковъ велѣли жещи съ тѣми же людми съ болными». *Новг. II л. 1572 г.*“.

В примере, приводимом Срезневским, „каять“ употреблено с оттенком — не вообще исповедывать, а исповедывать перед смертью.

Е. В. Барсов в третьем томе своего исследования „Слова о полку Игореве“ подробно разбирает значение глагола „каяти“. На основании многочисленных примеров из греческих текстов в переводе их на древнерусский язык он показывает, что в древнерусских переводных памятниках глагол „каяти“ соответствует греческому глаголу со значением — считать кого-либо жалким, несчастным, оплакивать, соболезновать.

¹ Я. Пожарский. Слово о полку Игоря Святославича удельного князя Новгорода-Северского. СПб., 1819, стр. 67.

² А. С. Шишков, Полное собрание сочинений, т. XI, СПб., 1827, стр. 401.

³ Цит. по картотеке „Словаря современного русского литературного языка“ Института языкознания Академии Наук СССР.

⁴ Там же.

„В пергаменном прологе новгородского письма: «бесящегося вси каютъ» (Тихонр. 57) никак нельзя думать, что каютъ значит здесь «бранят»: несчастного всюду и всегда жалеют... Слово окаянный в древних памятниках также не означало проклятый, осужденный, но значило несчастный, достойный сожаления... Сообразно такому значению в древнейших переводных памятниках глаголов каяти и окаяти, выражение «Слова» «каютъ князя Игоря» следует принимать в значении: считают его несчастным, жалости достойным!»¹

В. Н. Перетц,² комментируя глагол „каяти“, считает, что в „Слове“ этот глагол употреблен в значении — жалеть, сожалеть. В подтверждение этого он приводит пример из Паренесиса Ефрема Сирина: „не научилъ есть, но кааяль есть“, и так толкует это „кааяль“: „себто уважав за гідного жалю, оплакував“. В таком же значении — жалеть, сожалеть — он указывает глагол „каять“ в фразе из Паремейника XIII века: „ты милостивъ и щедръ и тьрпѣливъ и многомилостивъ и кааяся (= жалуючи) о злобахъ челоувѣчьскахъ“.

Обратимся к лексическим материалам картотеки „Исторического словаря русского языка“ Академии Наук СССР.

„А которые будут черницы стары или больны... и они (духовные пастыри) бы ихъ... устроили пищу и одежу... да велѣли бы ихъ каяти и поучати“ (из постановления Стоглавого собора).

Здесь „каяти“ стоит в значении — исповедывать.

„Къ господу богу вашему, яко милостивъ есть и щедръ и долготерпѣливъ, кааяся о злобахъ челоувѣчьскихъ“ (РИБ, VI, 469 послание митрополита Фотия в Псков по случаю моровой язвы 1426 г.).

„Ты многомилостиве долготерпѣливе и премилостиве господи, кааяся о злобахъ челоувѣчьскихъ“ (Врачевание молитвой в сборнике списка XV—XVIII вв.).

В этих двух примерах „кааяся“ значит — жалея, скорбя.

„А мы нынѣ и о томъ ся кааемъ, что Станислав Кишка здѣлалъ въ государя вашего грамотѣ писати царемъ“ (Польск. договор 1553 г.).

Здесь „кааем“ в значении — осуждаем себя.

„Бе съвѣта не сътвори ничсоже и когда сътвориши не раскаися“ (Изборник Святослава 1076 г.).

„Женитва всякому челоувѣку печал. Оженивыися челоувѣкъ скоро раскается...“ (Даниил Заточник).

„Оженивыися борзо, скоро раскается послѣ“ (Мудрость Менаандра по русским спискам XIV—XVI вв.).

„Примите мой доброй совет и не отказывайте королю на его желание, дабы вам после не каецца было“ (Верная Беландра, XVIII в.).

Во всех этих примерах „кааясь“, „раскаиваться“ значит — жалеть, сожалеть, горевать, но всегда вместе с тем с оттенком осуждения. — †

„Кто ли пропився до нага не помянет тебя, кабаचे непотребне? Како ли кто не въздохнет во многия времена собираемо богатство, а во един час все погыбе? Каены много, а воротить нелзе“ (Праздник кабацких ярыжек).

¹ Е. В. Бафрсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. III. Лексикология „Слова“, М., 1890, стр. 352—353.

² Володимир Перетц. Слово о полку Игоревім пам'ятка феодальної України—Руси XII віку. У Києві, 1926, стр. 234—235.

Здесь существительное „каета“, образованное от глагола „каяти“, означает — жалость, сожаление, горе, раскаяние.

Из приведенных примеров ясно, что глагол „каять“, „каяться“ в текстах нецерковного характера употреблялся в значении — осуждать себя за совершенный опрометчиво поступок, одновременно осуждать и жалеть себя. И поэтому мы думаем, что самый удачный перевод слова „каяти“ в „Слове о полку Игореве“ принадлежит И. А. Новикову: „...осуждают, жалея“.

В церковных текстах „каяться“ значит — осуждать себя за грехи перед богом, и в этом случае оттенка жалости, сожаления, сочувствия нет совершенно, есть только — осуждать:

„Якоже бо есть миловати богу угажающая ему тако и мучити не *кающася* грѣхъ своихъ“ (Апокалипсис XII—XIII вв.).

„Глаголю бо вамъ, яко тако радость будетъ на небеси о единемъ грѣшницѣ *кающемся*, неже о девяности и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаанна“ (Великие четыре-минен).

„Князь же Дмитреи начать у нихъ прощения просити и *каютися* грѣха своего, еже сотвори...“ (Ермолинская летопись).

„Аште истинно *покаяние* хоштеши прियाи, то яви е дѣльмъ, аште гордости *каешисть* покажи смѣрене“ (Изборник 1076 г.).

Сравнивая первую группу примеров со второй, нетрудно убедиться, что в текстах, близких к разговорной речи, к народному языку, глагол „каяться“ употреблен в значении — осуждать, жалеть, сожалеть, а в текстах церковных только в значении — осуждать (за грехи перед богом).

В фольклорных текстах в глаголе „каяться“ еще меньше ощущается оттенок осуждения, а в некоторых случаях это слово воспринимается только в значении — жалеть, сожалеть:

Не радуйся нашот,
Не *кайся* потеряв.

(С и м о н и, Пословицы).

Когда женишься, — *спокаешься*,
С молодой женой *намаешься!*
Полно, глупая, не дело говорить!
Люди женятся, не *каются*,
С молодым женам не *маются*,
Только в саночках катаются.

(Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским).

Становись-ка, млад отецкий сын,
На одну со мной *мостиночку*,
На одну *перекладинку*,
Гляди вточь да во ясны очи,
Гляди впрямь да во бело лице,
Чтобы жить тебе не *каяться*
Мне-ка жить бы да не *плакаться!*

(Песни, собранные Рыбниковым).

Из улицы идет *ровнюшка*,
Своей *тросточкой* *помахивает*,
Золотыми *ключами* *побрякивает*.
Я за *ровнюшку* *замуж пойду*,
Пойду *замуж*, — не *раскаюся*.

(Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским).

Следует отметить, что в „Общем церковно-славяно-российском словаре“, в статье на глагол „каяться“, мы читаем: „1) Признаваться во

грехах, приносить покаяние, *каяться во грехах*; 2) в простор. Сожалеть о учинении чего ...¹

Для подтверждения того, что слово „окаянный“ в древнерусском языке значило не только „проклятый“, „осужденный“ (в основном оно употреблялось именно в таком значении), но и имело значения — жалкий, несчастный, достойный сожаления, приведем несколько примеров:

„Рече убо святому: молюся тебѣ, не лѣнися и царемъ добродѣтели быти, спасая и исцѣляя *окаянную* (несчастную) дщерь мою, дары же достойны приимеши отъ насъ. Святыи же Аверкий рече къ царици...“ (Великие четы-миней).

„...нача плакати о прекрасной своей дщери и рече: увы мнѣ, *окаянной* вдовицѣ, аще бы были чада моя дома, да шедъ бы угонили Амира царя и отняли бы сестру свою“ (Девгениево деяние).

„Окаянный“ употреблялось также в значении — не покаявшийся перед смертью:

„Покой господи душа рабъ своих умерших напрасно нужною смертию и облегчи господи тяготу *окаянных* и не приемших тайнъ твоих“ (Требник второй половины XVI века).

В диалектах до нашего времени сохранился переходный глагол „каять“ и производные от него:

„1) К а й к о в а т ь (и отсюда *покайковать*) — тужить, горевать. *Все по дочке плачет, да што кайковать-то, не поможешь; покайковала, да и руки опустила*; 2) раздумывать в нерешимости. Отсюда: кайковало — нерешительный человек; 3) сожалеть раскаиваться. *Не послухашь теперь меня — опосля будешь кайковать*. (Арх., Холм., Онеж“²

„К а й к и (Петрозаводский уезд) — конец, кончено, все пропало. *Ну, брат, отцу кайки*, т. е. наверно умрет, не выздоровеет“³

„К а я т ь (Петроз., Пуд., Карг.) — исповедать кого-либо“⁴

В картотеке „Словаря современного русского литературного языка“ так объясняется слово „каюк“:

„К а ю к, м. (в косвенных падежах не употребительно) обл., синоним. слов: капут, карачун (собственно же означает: пора каяться ввиду близости и неизбежности смерти), конец, смерть. Употребляется преимущественно в восклицаниях. *Тут йиму и кайук!* (говорится о погибающем)“

Во время археографической экспедиции в ноябре 1950 года в Карело-Финскую ССР в деревне Шуерецкое (Кемский район) нам пришлось услышать в живой разговорной речи употребление глагола „каять“ как переходного. Восьмидесятилетний слепой старик Ф. А. Федосеев, говоря о том, что он слышал о враче, который лечит слепых, сказал: „Ну, мне-то уж куда лечиться: пока глаза лечат, так меня уже самого нужно будет каять!“. Здесь „каять“ было употреблено им в значении — оплакивать или исповедывать перед смертью.

Таким образом, мы можем говорить о следующих основных значениях глагола „каять“: оплакивать, причитать, осуждать, порицать, жалеть, сожалеть. На основании приведенных примеров можно предположить, что глагол „каять“ в древнерусском языке, в значении — жалеть, сожалеть кого-то, скорбеть о ком-то, постепенно, уже в ранний период жизни языка, как переходный глагол полностью вытес-

¹ Общий церковно-славяно-русский словарь, ч. I. СПб., 1834, стлб. 1123.

² А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 61.

³ Герман Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 35.

нился синонимом „жалеть“, а сам сохранился лишь в форме возвратного глагола (глагол „жалеть“ с возвратной частицей *ся* в русском языке не употребляется).

Глагол „каяти“, очевидно, как и синонимичный ему глагол „жалеть“, употреблялся в древнерусском языке в значении — оплакивать, причитать над умершим [об употреблении глагола „жалеть“ в древнерусском языке именно в таком значении свидетельствуют тексты: „Ангель же божи постави Амбакума внезапно на мѣстѣ его. Царь же приде въ седмыи день *жалеть* Данила и прииде на ровъ и възрѣ и се Даниилъ сѣдя“ (Великие четыи-миней); „Яко суботѣ вашихъ възненавидѣ господь и преложи праздники ваша въ *желю*; яко убьенъ бысть начальникъ вашего безаконья“ (Патерик Печерский)].

Одно из трудно переводимых мест „Слова“ „... кая рана дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола...“ толкуется и переводится по-разному. Большая часть комментаторов и переводчиков считают, что „кая“ здесь — местоимение „какой“, „какая“ („какая из ран дорога, братья, тому, кто...“). Некоторые же считают, что это „кая“ — аорист от глагола „каяти“. Такой точки зрения держится Л. А. Булаховский в своей статье, посвященной языку „Слова о полку Игореве“.¹ Л. А. Булаховский считает верным перевод этого места Ильинским: „Он (Всеволод) отомстил раны...“. По его мнению, глагол „каяти“ имел значение — мстить. Подтверждение этому он видит в сербском языке, где глагол *кајати* означает — мстить.

Хотя из сказанного выше видно, что глагол „каяти“ в древнерусском языке был многозначен, мы не можем принять значения его как — мстить, пренебрегать, так как подтверждений такому значению глагола „каяти“ в русском языке нет. Это доказывает правильность толкования в этом месте „Слова“ „кая“ как „какая“, ибо, по смыслу всей фразы, в прошедшем времени можно употребить глагол „каяти“ лишь в значении — презирать, пренебрегать или отомстить, в известных же нам значениях глагола „каяти“ его прошедшее время не будет соответствовать внутреннему содержанию этого места.

Имеет ли какое-нибудь отношение глагол „каяти“ к названию реки, на которой произошло поражение русских войск — к Каяле? Мы считаем, что да.

Впервые предположение о том, что под Каялой нужно подразумевать не географическое название реки, а нарицательное имя, производное от глагола „каяти“, было высказано Н. Грамматиным: „Не от того ли *Каяла* и название получила, что русские *каяли* Игореву предприятие?“² П. П. Вяземский также считал, что Каяла — название символическое, он сравнивал его с названием реки бедствий в финском эпосе — Калари.³

Е. В. Барсов так объяснял название Каяла: „Наблюдая за употреблением «реки Каялы» в самом «Слове», мы приходим к решительному убеждению, что и здесь имя *Каялы* имеет лишь символическое, а не географическое значение. *Каяла* упоминается в «Слове» шесть раз — и

¹ Л. А. Булаховский. „Слово о полку Игореве“ как памятник древнерусского языка. Сборник статей „Слово о полку Игореве“ под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 130—163.

² Н. Грамматин. „Слово о полку Игоревом“, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке. М., 1823, стр. 159.

³ П. П. Вяземский. Замечания на „Слово о полку Игоревѣ“. СПб., 1875, стр. 181.

каждый раз также в самых лирических местах среди символической, образной речи... *Каяла река* (см. глагол *ка я ти*) значит просто: «*Жаль-река*»¹.

Точки зрения, что *Каяла* название не географическое, придерживался и В. Н. Перетц.

Н. К. Гудзий *Каялу* считает производной от слова „*каяти*“ в значении — проклинать, клясть.

Мы предполагаем, что название *Каялы* произошло от глагола „*каяти*“ в значении — жалеть, оплакивать.

В этом случае *Каяла* значит — река смерти, печали, скорби; гибельное место.

Образование от глагола „*каяти*“ нарицательного названия реки — *Каяла* — посредством малоупотребительного для обозначения места суффикса *л[а]*, очевидно, произошло по аналогии с собственными именами некоторых рек на *ла* — *Висла*, *Сула*, *Ворскла*, *Сысола*, тем более, что в самом же тексте „*Слова*“ встречается река *Сула*. Может быть, здесь также влияло и существительное „*желя*“, образованное от глагола „*жалеть*“.

Образование от глагола „*каяти*“ имени *Каяла* как обозначение места скорби, печали, плача подтверждается образованием в русском языке слов „*желя*“, „*жальник*“ от глагола „*жалеть*“.

„*Желя*“ — название обряда, обозначение всей совокупности действий, связанных с оплакиванием умершего:

„В 100 и 30 лѣтъ жития Адамова уби Каинъ Авель брата своего и сътвориша же лю Адамъ и Елга надъ нимъ...“ (Пам. Отр. лит. сп. XV в.).

„*Жаль*“, „*жальник*“ — в диалектах так называют места погребений, кладбище („*жаль*“, „*жальник*“ — образование от глагола „*жалеть*“, в значении — причитать, оплакивать покойника).

У *Даля* читаем:

„*Жаль* или *жальник* (-ика, *жальник*) м. *севр.* могила, могилки, буйвище, кладбище, погост, божья-нивка; убогий дом, скудельница, где складывают тела, находимые на путях и распустьях... *Жальбище*, ср. опустошенное, разоренное место или остатки побонца“².

„*Жаль*, *жальник*. Так называются могильные насыпи в *Кем. у.* и на *Кольском полуострове* на пути следования *покрученников* на *Мурманский берег* (при отсутствии на этом пути теплых ночлегов, при скудной пище и при плохой одежде, многие из них умирают без всякой помощи, и их там же хоронят *путевые товарищи*) *Помор*“³.

За то, что это слово не нового образования, говорит пример из постановлений *Стоглавого собора*: „Въ *Троицкую субботу* по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на *жальникахъ* и плачутся по гробомъ“.

Эти примеры убедительно свидетельствуют о возможности образования от глагола „*каяти*“ названия *Каяла* для обозначения места, на котором нужно „*каять*“ — оплакивать, причитать.

Каяла упоминается в „*Слове*“ в таком контексте, который говорит о поражении русских, о бедах русского войска. Автор „*Слова*“ еще до рассказа о битве уже называет реку, на которой она произойдет, но эта река не имеет географического названия, и поэтому он определяет ее место нахождения: „Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы *половецкыя*, на рѣцѣ на *Каяль*, у *Дону великаго*!“.

¹ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, стр. 354 и 356.

² В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. 4-е изд., СПб., М., 1912, столб. 1309 и 1310.

³ А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия, стр. 43.

Только несчастья связаны с этой рекой: „Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоса за землю Рускую“. И если принять Каялу как обозначение места несчастий, печали, обозначение места, связанного с гибелью, со смертью, то станет понятным и это место „Слова“: „Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ полеаѣя отца своего между угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву“. Здесь Нежати́на Нива, известная кровопролитной борьбой в 1078 году Олега Святославича в союзе с Борисом Вячеславичем против коалиции Изяслава Ярославича и Всеволода Ярославича со своими сыновьями, названа „такой же Каялой“, т. е. таким же несчастным, смертным местом для Ольговичей.

Как известно, Нежати́на Нива находится в районе Чернигова, и, говоря в этом случае о Каяле, автор „Слова“ употребил Каялу как имя нарицательное, а не собственное. А. А. Потехня писал по этому поводу: „С тоя же Каялы, быть может, значит: не стой же, а с такой же, как та, которую была полна мысль автора, со столь же бедственной, как и битва Игоря на Каяле“.¹

Употребление названия Каяла как некоего символического наименования, а не географического обозначения реки, вполне соответствует всему литературно-художественному методу автора „Слова о полку Игореве“.

„За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу людемъ мыкючи въ пламянѣ розѣ“. Первые издатели перевели Карну и Жлю как собственные имена Половецких ханов. Такая точка зрения существовала очень долго, но в 1870 году Эрбен, переводя „Слово“ на чешский язык, высказал мнение, что карня и жля—это нарицательные имена: карна—это кара, раздор, а жля, желя—злоба. Более подробно на объяснении этих слов позже остановился Вс. Миллер: карна—от кара, карание, олицетворение скорби; жля—то же, что и желя,—плач по убитым.

Таким же типом образования от глагола „каяти“ является Каяла.

Наряду с очень точными географическими названиями того или иного места в „Слове“ имеются обозначения географически точного понятия не собственным именем, а метафорами: Половецкая степь у автора „Слова“ называется „землей незнаемой“, Азовское море—или просто морем, или Синим морем. Возможность образования символического названия реки подтверждается употреблением в „Слове“ названия реки Дунай—не как географического понятия, а как символа реки вообще.

Обратим внимание на то, в каком контексте употреблена Каяла в плаче Ярославны: „Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бербрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“. Очевидно, что здесь под Каялой подразумевается река смерти. Эти слова Ярославны можно понимать так: омочу рукав в мертвой воде и утру ею (мертвой водой) раны князя.

Как известно, во всех сказках, связанных с „мертвой“ и „живой“ водой, именно мертвой водой залечивают раны. При таком толковании этого места, которое вполне соответствует всему плачу—заклинанию Ярославны, проникнутому народными элементами, яснее и понятнее

¹ А. А. Потехня. „Слово о полку Игореве“. Текст и примечания. Харьков, 1914, стр. 55.

становится весь этот образ — „омочю бегрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны...“.

Прием образования из нарицательных имен имен собственных и названий географических мест довольно широко встречается в древнерусском летописании. В рассказе о Липицкой битве говорится, что Юрия и Ярослава перед битвой хочет отговорить от сражения один из приближенных бояр: „Молвить же тако Творимиръ бояринъ: «княже Юрьи и Ярославе! меньшая братья въ вашей воли; оже бы по моему гаданию, лучши было миръ взять и дати старѣйшинство Костянтину...»“ (ПСРЛ, т. IV, стр. 22).

В рассказе о распре между князем Ярославом и новгородцами под 6778 (1270) годом Ярослав за помощью, для борьбы с новгородцами, „послалъ к царю татарскому Ратибора, помочи прося на Новъгородъ...“ (ПСРЛ, т. III, стр. 61), а для заключения мира с новгородцами „въ Новгородъ присла Творимира“ (там же, стр. 62). В Софийской первой летописи по всем ее спискам в этом месте читаем: „...а въ Новъгородъ присла творити мира“ (ПСРЛ, т. V, стр. 196).

Не подлежит никакому сомнению, что имена Творимир и Ратибор — имена нарицательные, а не собственные.

Такого же типа образование и прозвище Рогнеды Гориславой, да и в самом „Слове о полку Игореве“ мы видим подобное словообразование — „Олег Гориславич“.

Вспомним рассказ о битве русского отрока с печенегом: „Володимерь же радъ бывъ, заложи городъ на бродъ томъ, и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко ть“ (Повесть временных лет, изд. 1950 г. стр. 85), или рассказ о битве Батия за город Козельск: „Оттуду же въ татарѣхъ не смѣють его нареци градъ Козельскъ, но градъ злый, понеже бишася по семь недѣль...“ (ПСРЛ, т. II, стр. 176).

В заключение скажем несколько слов о Каяле, упоминающейся в Ипатьевской летописи. Говорится об этой реке здесь только один раз: „И тако во день святого вокресения наведе на ны господь гнѣвъ свои, в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье место желю на рѣцѣ Каялы“. Содержание этой фразы говорит о том, что Каяла здесь не географическое понятие. Достаточно посмотреть на почти синонимический ряд слов — плач, желя, каяла, чтобы сразу обратить внимание на стилистическую близость между ними. Следует отметить также грамматическую форму этого словосочетания — „на рѣцѣ Каялы“. Каяла должна склоняться по основам на *a*, что очень последовательно выдержано в „Слове о полку Игореве“, и местный падеж должен быть — на рѣцѣ Каялѣ. В летописи же мы имеем родительный падеж — на рѣцѣ Каялы, т. е. на реке чего? — реке плача, реке скорби¹.

¹ Некоторые исследователи считают, что слово „каяла“ восходит к группе тюркских языков и в переводе на русский язык значит — „скалистая“ (наиболее подробно эта гипотеза рассмотрена в работе Menges K. H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the Igor' Tale; supplement to Word, journal of the Linguistic circle of New-York, vol. 7, december, 1951, pp. 28—29).

Однако данные русского языка убедительно свидетельствуют о русском происхождении этого слова.